Право. Журнал Высшей школы экономики,
2022, №5, P. 4-23 http://doi.org/
10.17323/2072-8166.2022.5.4.23
Published: Dec. 1, 2022

Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали

Виноградов В. А.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20
Ларичев А. А.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

Abstract

В статье проводится исследование взаимоотношения права и морали как двух важнейших регуляторов общественных отношений. Дается анализ как естественно-правового, так и позитивистского подходов к соотношению права и морали в трудах отечественных и зарубежных правоведов. Несмотря на продолжительную историю развития теоретических концепций, выработка структурированного представления о соотношении этики и права остается актуальной. Нуждаются в определении как базовая модель соотношения двух нормативных систем, так и специальные модели их соотношения и взаимовлияния в различных сферах жизни общества, определяющие справедливость и эффективность регулирования в контексте сопряжения этики, права, экономического и общественного развития. Практическим результатом разработки такой модели является создание индекса этичности права и связанных с ним индикаторов. Индекс этичности права представляет собой цифровой продукт — машинный алгоритм, построенный на принципах работы обучающихся нейросетей. В статье описаны этапы и содержание работ по созданию индекса в рамках научного проекта НИУ ВШЭ, в том числе уделено внимание теории моральных оснований, которая легла в основу разработки связанного инструментария. Сопоставление норм юридических актов с моральными нормами и принципами, актуальными для общества, требует достоверной картины содержания последних. Выявление посредством социологических методов содержания моральных оснований как базовых критериев нравственной оценки человеческого поведения позволит сопоставить этические представления современного российского общества с контентом юридических норм, имеющих этическую нагрузку. Указанный продукт может быть полезен как в правовом регулировании общественных отношений посредством принятия

юридических актов, так и в их толковании и применении. Авторы статьи убеждены, что формирование социальной, производственной, культурной и деловой среды, в которой человеку комфортно жить, требует систематической сверки и соотнесения друг с другом двух систем социального регулирования. Такая сверка может осуществляться в том числе с помощью новейших технологий, доступных человечеству.

Keywords: позитивизм, нейросеть, теория моральных оснований, соотношение права и морали, индекс этичности права, антипозитивизм, машинное обучение

Введение

Российское государство и общество, как и любые другие динамично развивающиеся системы, нуждаются в формировании такой социальной, производственной, культурной и деловой среды, в которой человеку было бы комфортно жить, работать и передавать свой жизненный опыт новому поколению.

С момента зарождения государственности роль инструмента противодействия социальной энтропии играет право. По образному выражению С.Л. Франка, право есть внесение космической упорядоченности в хаос земной человеческой природы [Франк С. Л., 1993:315]. Лимитируя дикую, необузданную свободу как отдельной личности, так и групп индивидуумов, право создает основу их стабильного сосуществования в обществе и, как следствие, поступательного развития цивилизации в целом. Безусловно, права в жизни общества не должно быть исчерпывающе много, поскольку заурегулирован- ность общественных отношений юридическими нормами разрушает динамизм социального развития так же, как и отсутствие императивных установлений. Не всегда императивные нормы с учетом их целей и содержания действуют во благо. Отсюда известное изречение древних римлян, приписываемое Т. Публию — «высшее право часто есть высшее зло»[1].

Само по себе наличие формализованных правовых норм не является гарантией их работы, во всяком случае, работы плодотворной. Здесь недостаточно одного лишь репрессивного аппарата государства, обеспечивающего их внедрение, — общество также должно считать правовые нормы приемлемыми, поддерживать их имплементацию деятельным использованием, выполнением и соблюдением. Отсюда часто встречающееся сопоставление права с справедливостью: «право — это все, что истинно и справедливо» (В. Гюго), «справедливость отнюдь не создана законом; наоборот, закон всегда есть лишь истолкование и воплощение справедливости» (Ж. Прудон), поскольку только справедливые в глазах социума или отдельного индивидуума нормы может ждать успех в их применении.

1. Высказывания, афоризмы и цитаты Публия Теренция Афра. Available at: https://www. wisdoms.one/aforizmi_publiy_terenciy_afr.htmlhttps://www.wisdoms.one/aforizmi_publiy_terenciy_afr.html (дата обращения: 12.10.2022)

В связи с этим практически с момента зарождения права и становления государства как среды функционирования и механизма его обеспечения многие поколения как теоретиков, так и практиков были озадачены поиском баланса между правовым регулированием либо сознательным отказом от него, а также обеспечением эффективности права через максимизацию фактора справедливости в его содержании.

В этом контексте крайне важен вопрос о соотношении права с другими социальными регуляторами, прежде всего с моралью. Межличностные отношения в различных сферах человеческих отношений издревле подвержены влиянию моральных (этических) норм, и нередко они в своем действии оказываются сильнее «основного» регулятора (права), контролируемого государством. Очень часто правовые конструкции рассматриваются через призму их нравственного начала, и нередки случаи, когда право не работает потому, что не соответствует морально-нравственным установкам общества. При этом роль морали в российском обществе продолжает расти, это показывают и результаты недавнего опроса, проведенного ВЦИОМ[2].

В свете этого интересны возможности применения теоретических подходов к соотношению права и морали, их воплощения в практических инструментах, которые могли бы указывать на корреляцию моральных установок и правовых норм в целях гармонизации обеих систем социальной регуляции. Одним из таких инструментов может стать индекс этичности правовых норм, который находится в процессе разработки в рамках большого научного проекта, осуществляемого на базе факультета права НИУ ВШЭ. Ниже изложены теоретические основы и практические аспекты построения соответствующего индекса.

1. Теоретические подходы к соотношению права и морали

Морали присущи такие важные свойства, как нормативность и оценочность, т.е. наличие устойчивых конструкций, описывающих целесообразность рода межличностных

2. Моральный поворот. Россияне все чаще склоняются к мнению, что мораль не подвластна времени, обязательна к исполнению и нуждается в защите государства. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/moralnyi-povorot (дата обращения: 12.10.2022)

отношений, а также установление соответствия или несоответствия определенного действия требованиям морали. Хотя мораль, не подкрепленная правом, не обладает свойством императивности, однако заложенная в ней сила социального давления на личность детерминирует способность требовать от человека определенного поведения, отношения к окружающим. Мораль как социальное явление при этом не зависит от воли государства и складывается в обществе стихийно под воздействием экономических, социальных, исторических процессов.

Однако лежит ли мораль в основе юридических норм? Многие российские философы, рассуждавшие на эту тему, делали заключение о их взаимосвязи. Так, В.С. Соловьев писал, что «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [Соловьев В.С., 1988: 450-452]. Здесь очевиден подход к праву как «минимуму нравственности». Однако Б.Н. Чичерин, являвшийся приверженцем естественно-правового подхода, возражал против возможности, с одной стороны, отождествить право с нравственным минимумом, а, с другой стороны, дать ему принудительность, поскольку принудительный характер противоречит самому понятию нравственности [Чернявский А.Г., 2020: 54]. В свою очередь П.И. Новгородцев, рассуждая о безусловной взаимосвязи и взаимодействии права и нравственности, которые с течением времени лишь усиливаются, писал о том, что зоны их работы все же разграничены: «Там, где право отказывается давать какие-либо предписания, со своими велениями выступает нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением» [Новгородцев П.И., 1995: 103].

Рассуждения о соотношении морали и права, показывающие их взаимосвязь, содержатся и в зарубежных научных теориях, в том числе стоящих на позициях антипозитивизма. Среди них довольно известными и обсуждаемыми являются дискурсивная теория права Р. Алекси и процедурная теория Л. Фуллера. Немецкий философ права Р. Алекси излагает тезис о двойственной природе права и о соединении в нем двух начал — идеального и реального [Архипов С.И., 2015: 6]. Гармония правовой системы возможна только когда оба элемента

сопряжены и, соответственно, моральные притязания обеспечены соответствующими четкими и непротиворечивыми юридическими процедурами. Для согласования принципов справедливости и юридической определенности, Р. Алекси определяет внешнюю границу права в форме крайней несправедливости. За этой границей любая норма, даже юридически оформленная, перестает быть правом. Таким образом, право может иметь дефекты с точки зрения морального содержания, но оставаться правом, пока не преступает этой невидимой «красной черты».

Несмотря на несомненную заслугу Р. Алекси в попытке описать соотношение идеального и рационального в праве через процедуру его формализации, безусловное уравнивание идеального с моральным можно отнести к минусам его концепции. Подход Р. Алекси строится на признании универсальной объективной морали, любая же правовая система, не притязающая на моральную правильность, не является правовой [Булыгин Е.В., 2009: 39].

Как отмечает С.И. Архипов [Архипов С.И., 2015:9-10], еще одной слабой стороной концепции Р. Алекси является перехлест в ее рамках политической и правовой сфер. Правовой дискурс, по мнению Р. Алекси, существует в политической форме демократического конституционализма. Смешение политической категории «демократия», обеспечивающей процесс народовластия, с процедурой создания и имплементации юридических норм, которые не всегда зависят от механизма политических решений, никак не объясняет эффективности и логики функционирования правовой системы. Она во многом опирается и на юридическую практику, функционирование судебных органов и адвокатуры в отдельно взятом государстве.

Что касается процедурной теории Л. Фуллера, то он также стоит на ан- типозитивистских началах и определяет мораль в качестве элемента, который в принципе делает возможным существование права per se. Л. Фуллер выделяет два вида морали — мораль долга и мораль стремления. Мораль долга составляют самые базовые принципы общественного поведения, которые в силу их естественной природы близки праву (например, принцип «не убий»). Мораль стремления составляют более утонченные идеалы поведения, и в этом смысле она более близка к эстетике, нежели к праву. Л. Фуллер также различает внутреннюю и внешнюю мораль права, понимая под внутренней содержательные принципы, а под внешней — процедурные.

Следует отметить, что, как и Р. Алекси, Л. Фуллер не проводит четкой границы между моралью и правом, а идея существования в праве «внутренней морали» не способствует решению задачи функционирования двух социально-коммуникативных систем [Архипов С.И., 2015: 14]. С другой стороны, достоинством теории Л. Фуллера можно считать более широкое понимание права, включающее так называемое «имплицитное», кроющееся в непосредственном взаимодействии субъектов общественных отношений. Л. Фуллер считает правом только то, что в действительности работает и оказывает влияние на человеческое поведение.

Не удивительно, что отмеченные негативные аспекты уравнивания права и морали противопоставляются подходу, именуемому юридическим позитивизмом. Здесь базовым является методическое правило считать обращение к понятию морали при определении права избыточным. В позитивизме главным критерием права, в том числе для признания его справедливым является его рациональность (разумность). Приоритет рациональности в регулировании общественных отношений позволяет устранить излишнюю оценочность, предвзятость, присущую морали, бороться с архаизацией различных сфер общественных отношений.

Известный российский правовед Г.Ф. Шершеневич, фактически полемизируя с В.С. Соловьевым, не разделял подход к праву как к «нравственному минимуму». Шершеневич выступал против такого определения, потому что право, во-первых, может опережать мораль в регулировании общественных отношений, во-вторых, юридические нормы могут не иметь никакого отношения к нравственности, в-третьих, потому что право может вступать в противоречие с нравственностью [Шершеневич Г.Ф., 1897:470].

Среди зарубежных теоретиков позитивизма выделяются такие известные ученые, как И. Бентам [Бентам И., 1998:415] и Дж. Милль [Милль Дж., 2013: 240] в XIX в., Г. Кельзен и Г. Харт в XX в., а также Дж. Раз [Raz J., 1988:448] и Б. Бикс [Bix B., 2009:99-105], которые разрабатывают соответствующие идеи в настоящее время. Позитивизм, безусловно, многогранен. Первые три из названных философов ведут анализ с позиций формальных различий между моралью и правом, отказывая в сопоставлении их содержания на основании утверждения о произвольном, подвижном и изменяющемся характере как права, так и морали. Г. Кельзен, в частности, твердо стоит на позициях морального

релятивизма [Кельзен Г., 2015: 88]. В свою очередь Дж. Раз и Г. Харт допускают корреляцию двух социальных регуляторов, однако отрицают существование необходимой связи, которая позволяет выявлять содержание права из морали, и наоборот. Такая процедура невозможна в силу самостоятельной, не производной друг от друга сущности двух социальных явлений [Raz J., 1980: 211]; [Харт Г., 2007:194].

Критически оценивая подход позитивистов к разграничению морали и права, О. Смирнова и А. Кононов отмечают, что «чрезмерное акцентирование внимания на особенностях формы правовой и моральной регуляции, нивелирование значения их содержания влечет за собой одностороннее понимание названных феноменов». Оба феномена — как мораль, так и право — имеют общее содержание, что невозможно игнорировать. С одной стороны, предметом их регулирования являются общественные отношения, с другой - развитие комплексности общества, возникновение и изменение общественных отношений влекут появление новых норм в структуре правовой и моральной регуляции. Таким образом, как правовая, так и моральная нормы, являясь разновидностью социальных норм, не имеют значения сами по себе, но только в контексте отношения «человек - общество». Отражая исторически изменяющуюся социальную действительность, право и мораль определяют вектор развития и содержание вновь возникающих общественных отношений, при этом содержательно меняясь под обратным воздействием новых социальных реалий [Смирнова О.В., Кононов А.А., 2021: 65].

Из вышеизложенного следует, что право и мораль, безусловно, имеют различную природу и генезис и не могут отождествляться как единое целое. Однако явно неконструктивной является искусственная изоляция этих социальных явлений, которая не соотносится с единой основой и общностью тех целей, которым подчинено их существование.

2. Практические аспекты соотношения права и морали

Таким образом, в теории и философии права уже несколько веков существуют устоявшиеся, пересекающиеся, где-то противоположные друг другу взгляды на соотношение двух систем социального регулирования. Влияние этих взглядов заметно в сферах правотворчества и правоприменения.

Тесное соприкосновение и диффузия двух материй — права и морали — нередко ведут к попыткам их подмены либо полного сопряжения. Часто раздаются и призывы к реализации нравственных идеалов через правовое регулирование. С одной стороны, этот процесс естественен и происходит уже потому, что законодательство в регулировании общественных отношений использует заимствованные в сфере морали понятия (например, в сфере частного права — «честь», «достоинство», «добросовестность» — ст. 10, 152 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее — ГК РФ (ч. 1); в сфере уголовного права — принципы справедливости и гуманизма — ст. 6, 7 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ). С другой стороны, нередко возникают трудности в применении этих понятий и принципов на практике, так как юридическая расшифровка может сужать и обеднять их содержательное наполнение, отсутствие же такой расшифровки может вести к чрезмерному расширению внедряемых в юридическое поле понятий, подрывая принцип правовой определенности.

Призыв к регулированию нравственной сферы правовыми нормами чреват также тем, что государство — продукт юридических норм — становится арбитром общественной морали, при этом понятия властных элит, принимающих законы, о нравственном и безнравственном могут не совпадать с ценностями общества. Попытка навязать нормы поведения сверху может иметь обратный эффект и результат — их неприятие социумом и фактическое торпедирование в правоприменении (достаточно, например, вспомнить последствия «сухого закона» в СССР в 1985-1990-х гг. — направленная на «моральное оздоровление» советского общества антиалкогольная кампания достигла совершенно иных результатов и в массовом сознании воспринималась как абсурдная инициатива властей, направленная против народа[3]).

Помимо этого, динамика общественных отношений может изменять приоритеты государственного регулирования и моральные принципы, заложенные в его основу. Чрезмерное вторжение государства в сферу общественной морали может стать фактором нестабильности правового регулирования общественных отношений, поскольку его изменения могут быть продиктованы политической целесообразностью, которая, в свою очередь, способно быстро изменяться.

3. Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 12.10.2022)

Однако и отказ от использования инструментария морали создает опасность отрыва права от динамики социума и его запросов в регулировании общественных отношений. Право, изолированное от морально-нравственных ценностей, в котором рациональность поставлена во главу угла, может далеко уйти (в негативном смысле) в достижении целей эффективности. Здесь можно привести пример государственного насилия, санкционированного правом, которое может быть действенным средством борьбы с асоциальными явлениями (преступностью, наркоманией и т.д.), однако, не имея моральных ограничителей в виде гуманности и справедливости, само может стать злом. Не зря соответствующие принципы вводятся в уголовное законодательство, в акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов.

В связи с этим целесообразно придерживаться «золотой середины» и сопоставлять моральные основания общества, в котором регулятор в виде государства создает нормы права, с юридическим каркасом различных социальных связей. Системная работа в данном направлении могла бы осуществляться, в частности, законодателем, а также исполнительными и судебными органами. Такая работа позволила бы еще на этапе проектирования юридических норм оценивать их «моральный вес», избегая ситуаций, когда принимаемая юридическая норма становится «мертворожденной» уже на этапе своего принятия, не будучи воспринята как обществом в целом, так и таргетируемой аудиторией, либо на этапе правоприменения, когда непонимание нормы также влечет ее отторжение.

Нельзя сказать, что такая работа не ведется вовсе — например, принятие любого закона либо акта, так или иначе затрагивающего права и интересы граждан, а в конечном итоге и нравственную основу ассоциированного с ними поведения, сопровождается общественными обсуждениями и дебатами в той или иной форме. Однако, во-первых, не всегда в ходе этих обсуждений выявляется истинная картина социальных настроений, а, во-вторых, не всегда сопряжение общественного запроса и правового ответа ставится во главу угла. Здесь мы возвращаемся к уже описанной ситуации, когда нормотворцы (часто ошибочно) полагают, что они «знают лучше».

При этом, безусловно, встает вопрос о правильности оценки моральных норм общества. Нельзя не согласиться с аргументом позитивистов: единой и универсальной морали в мире не

существует, поэтому отсутствие констант создает необходимость корректировать систему права по отношению к постоянно меняющейся общественной морали на заданном отрезке времени и в границах социума. В осуществлении такой оценки как в современной юридической науке, так и практике правотворчества и правоприменения могут помочь специальные инструменты, включая индекс этичности права.

3. Индекс этичности права в контексте применения теории моральных оснований

Идея о создании индекса этичности права (индекса этичности юридических норм) пришла к проф. В.А. Виноградову и была развернута его коллегами с пониманием задачи, связанной с необходимостью определения взаимовлияния норм права и морали в регулировании социальных связей, а также с учетом возможностей, которые дает для решения этой задачи междисциплинарный подход. Работа над созданием индекса в рамках упомянутого проекта НИУ ВШЭ синтезирует результаты теоретико-философских разработок, правового анализа и социологических исследований с применением новейших достижений программирования и искусственного интеллекта. Итогом этой работы должен стать функционирующий компьютерный алгоритм, который будет оценивать отдельные нормы права, их блоки, а потенциально — и нормативно-правовые акты (НПА) в целом на соответствие современным понятиям об этичности российского общества. Безусловно, речь идет не о технических нормах, но о тех, которые содержат в себе обращение к моральным основаниям, т.е. нравственно-оценочный контент.

Чтобы сопоставить норму действующего юридического акта либо его проекта с моральными нормами и принципами, актуальными для общества, необходимо иметь достоверную картину содержания последних. Казалось бы, это крайне зыбкая, неконкретная материя, ее трудно измерить и еще труднее систематизировать и индексировать. Однако в современной социальной науке имеются разработки, позволяющие подойти к решению соответствующей задачи. Речь идет о теории моральных оснований (moral foundations theory, далее — MFT)

американского социопсихолога Дж. Хайдта и ее практическом применении.

В рамках данной теории предложено новое понятие моральных оснований (moral foundations) для обозначения базовых составляющих сферы морали, выступающих в качестве критериев нравственной оценки различных поступков [Haidt J., Bjorklund F., 2008a: 181-217]. Исходным положением теории стала так называемая «социально-интуитивистская» модель морали, согласно которой моральное решение принимается преимущественно на основе автоматической, интуитивной, эмоциональной оценки (moral intuition), тогда как последующие моральные рассуждения служат в основном для рационального обоснования уже принятого решения [Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И., 2018: 91]. Дж. Хайдт и его последователи полагают, что моральные основания (далее — МО) закладываются с самого детства человека, и на формирование его понятий о плохом и хорошем постоянно влияет окружающая социальная среда. Таким образом, поведение человека изначально обусловлено заложенной в нем поведенческой матрицей, которая осознается и рационализируется a posteriori, в жизненных ситуациях и поступках. В этих обстоятельствах, безусловно, ведущую роль в функционировании моральных оснований играет культура отдельного общества, заложенные в ней установки.

На основе исследований и обобщения этнографических, культурологических и антропологических факторов Дж. Хайдт выделил восемь базовых МО: забота и непричинение вреда; справедливость; внешне- и внутригрупповые отношения; послушание; власть и авторитет; уважение и покорность; физическая и духовная чистота; безотносительная ценность жизни. Поскольку моральные основания культурно вариативны, то в различных культурах они проявляются по-разному [Заикин В.А., 2017: 34].

Выделенные моральные основания имеют как индивидуальную, так и социальную (коллективную) сущность, их становление в большинстве своем определено эволюционными процессами человеческой популяции. Например, проявления заботы распространены повсеместно, они имеют связь с проявлениями эмпатии; в социопсихологии основательно изучены эволюционные факторы данного МО. Справедливость также имеет тесную привязку к эмоциональному восприятию, она сочетается с чувствами вины, гнева, сопереживания. Изучение

поведения животных в ситуациях неравного отношения (вознаграждения) также позволяют сделать вывод о эволюционном характере данного МО.

Послушание и преданность своей группе в сочетании с нетерпимостью к измене как моральные интуиции также распространены в современных обществах, хотя их связи с эмоциональными явлениями и эволюционные основы менее изучены. С большой уверенностью можно предполагать наличие эволюционных основ для уважения к авторитетам, готовности подчиняться и соблюдать групповую иерархию. Подобные отношения в группах были изучены на приматах. «Чистота» относится к религиозным и культурным нормам и запретам в сфере отношения к пище, телу, сексу и различным сакральным для группы объектам (например, флагу или гимну). Эмоциональные механизмы этого МО связаны с отвращением [Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И., 2018:92]. Исходя из положений «социальноинтуитивистской модели», любому индивидууму в обществе присущ набор моральных интуиций, механизм которых включается при взаимодействии с окружающими. Хотя возможны отдельные девиации и аномалии, содержание МО в целом в пределах социальных групп отличается стабильностью.

Исследования Дж. Хайдта, казалось бы, не связанные напрямую с проблематикой соотношения права и морали, удачно иллюстрируют их отличия. В частности, он считает, что рациональные механизмы, возникающие как онто-, так и филогенетически значительно позже, не могут управлять эмоциональными предпочтениями, интуициями. Свою позицию ученый основывал на данных, полученных в ходе кросскультурного исследования восприятия различными личностями важных этических проблем современного общества: самоубийств, инцеста, эвтаназии, смертной казни и др. [Заикин В.А., 2017: 34] Показательны, например, результаты опроса граждан о близкородственных связях — даже при ссылке на отсутствие негативных последствий такого поведения в описываемой ситуации респонденты в подавляющем большинстве высказывались о нем крайне негативно, и рациональная аргументация не могла повлиять на их выбор. Данный эксперимент, среди прочих исследовательских техник, позволил постулировать иррациональную природу моральных установок. При этом, если мы утверждаем, что право есть продукт рационального подхода к регулированию социальных

связей, то вышеуказанный анализ демонстрирует разницу в природе двух регуляторов, подтверждая тезис позитивистов.

Однако, подчеркивая различия между двумя описываемыми социальнокоммуникативными системами, авторы данной работы придерживаются точки зрения об их безусловной корреляции, что находит подтверждение и в рамках MFT. Моральные основания, являющиеся фундаментом, на котором основан и функционирует социум, выполняют ту же функцию, которую в обществе осуществляет право, дисциплинируя человеческое поведение и удерживая его в заданных параметрах, предотвращая, таким образом, социальный хаос и дезорганизацию. Как уже отмечалось выше, нельзя отрицать моральные основания и нивелировать их действие при попытке регулировать общественные отношения через право. Такое отрицание может не только препятствовать эффективности юридических норм, но в принципе разбалансировать тонко настроенную систему социальной регуляции, в которой мораль, как и право, занимает важное место.

Заслугой Дж. Хайдта и его последователей можно считать не только теоретическую разработку феномена МО как свойства человеческой психики, но также создание инструментария их практического изучения и измерения. В частности, в 2011 г. американский ученый Дж. Грэхем с коллегами разработали опросник моральных оснований (Moral Foundations Questionnaire, далее — MFQ) [Graham J. et al., 2011: 366-385]. Опросник состоит из двух частей, в первой из которых по всем МО были сформированы вопросы и предложены варианты ответов по шестибалльной шкале — от «абсолютно неважно» до «крайне важно». Во второй части участники опроса определяют отношение к приведенному утверждению, выражающему моральную ценность. Для оценки утверждения также применяется шестибалльная шкала. Таким образом, опросник позволяет выявить содержание МО применительно к проходящей опрос группе.

Безусловно, как и всякая научная разработка, MFQ в аналитической литературе подвергается критике. В частности, указывают на трудности, связанные с внутренней согласованностью шкал измерения МО[4]. Затруднения обещает и перевод опросника при его использовании в других социокультурных средах, отличных от американской. Важной

4. Available at: http://onmediatheory.blogspot.de/2010/07/german-translation-of-moral-foundations.html (дата обращения: 12.10.2022)

становится адаптация опросника, которая опиралась бы не только на лингвистические, но и на стоящие за ними психо-культурные различия социумов.

Опыт перевода опросника на русский язык и его опробования как основы социологического исследования в российских условиях уже предпринимался, в частности, в 2018 г.; это сделала группа исследователей, реализовывавших проект РФФИ «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи». В ходе соцопроса с применением опросника MFQ было опрошено 354 респондента, преимущественно студенты и преподаватели вузов Бийска и Перми [Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И., 2018: 96].

Несмотря на однозначную ценность результатов исследования, необходимо признать, что его результаты лимитированы как географией опроса, так и преимущественно таргетируемой аудиторией — молодежью и преподавателями высших учебных заведений.

Задача построения индекса этичности юридических норм, который мог бы претендовать на охват всей российской правовой системы, в свою очередь, требует сведений о содержании МО в корреспондирующих ей общероссийских масштабах. Таким образом, одним из этапов построения индекса является проведение общероссийского социологического исследования на основе MFQ. Соответствующий опросник был доработан с учетом специфики работ над индексом этичности и лег в основу общероссийского опроса, результаты которого должны быть получены к декабрю 2022 г. Спецификой MFQ, доработанного для целей построения индекса, стало включение дополнительных вопросов, связанных с измерением уровня морального релятивизма в российском обществе.

Безусловно, априорно важно уяснение специфики в содержании МО российских граждан, без которой трудно определять этичность норм права. Вместе с тем высокий уровень морального релятивизма поставит под вопрос адекватность нравственной оценки той или иной нормы. Изучение уровня морального релятивизма позволит также понять, каково влияние морали как социального регулятора в российском социуме. Уже упоминавшиеся ранее результаты соцопроса, проведенного летом 2022 г. ВЦИОМ, говорят о росте уровня восприятия морали в обществе, однако эти результаты в целях реализации идеи построения индекса этичности права требуют дополнительного изучения и подтверждения.

4. Построение индекса этичности права с применением технологии нейросетей

Изучение общественных явлений и процессов в рамках научного анализа — трудная задача, требующая максимальной объективности. Это особенно трудно в рамках социальных наук, где методы качественного анализа преобладают над количественными инструментами. В свою очередь качественный анализ, к какой бы объективности он ни стремился, предполагает допущения, связанные с идеями и установками, определяемыми мировоззрением ученого. Оценочное суждение, не подкрепленное эмпирическими данными, не имеет твердого базиса, поэтому сочетание качественного и количественного анализов следует приветствовать.

Заметным трендом в сфере социальных наук становится внедрение количественного метода в качественный анализ, а также сочетание двух подходов, при котором отдельные индикаторы качественного анализа преобразуются в нумерическую форму. Речь идет о создании так называемых индексов общественных явлений, определяемых за счет интеграции отдельных показателей. Например, при расчете европейского Индекса локальной автономии[5] используют такие качественные показатели, как доступ муни- ципалитов к формированию государственной политики, степень самостоятельности при осуществлении ими собственных функций и т.д. Показателям разных типов присваивается количественное значение, а итоговый индекс подсчитывается по специальной формуле, объединяющей различные показатели воедино.

Расчет соответствующих индикаторов в последние десятилетия стал популярным: его ведут как аналитические подразделения крупных некоммерческих организаций и бизнес-структур, так и академические организации по всему миру. Широкую известность получили индексы Democracy Barometer, Corruption Perception Index, World Bank Governance and Institutional Quality и др[6].

5. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/studies/2021/ self-rule-index-for-local-authorities-in-the-eu-council-of-europe-and-oecd-countries-1990-2020 (дата обращения: 12.10.2022)

Идея построения индекса этичности права также основана на преобразовании качественных показателей (отношения лиц к той или иной правовой норме с нравственных позиций) в количественные, т.е. в определенные целочисленные значения. Чем ниже значение индекса, тем хуже восприятие нормы, соотнесенной с моральными основаниями. Например, правовая норма о гипотетическом разрешении эвтаназии может получить низкий показатель индекса этичности, если по результатам анализа содержания МО в обществе присутствует выраженный консенсус, связанный с нравственным отторжением такой практики. Это наиболее очевидный пример, однако комплексность и охват выявленных в ходе соцопроса МО позволят оценивать значительно больший спектр этически окрашенных норм с присвоением им целочисленных значений (планируемый ранжир — от 1 до 10).

Работа с большим объемом данных (текстами, содержащими юридические нормы) и их индексация, безусловно, не может проводиться в ручном режиме — это сводит на нет идею создания инструмента, удобного в применении на систематической основе. К счастью, современные цифровые технологии позволяют автоматизировать этот процесс, создать машинный алгоритм, который сам будет индексировать юридические тексты исходя из заложенных в него критериев.

Такая технология, известная как машинное обучение и связанная с привлечением инструментария искусственных нейросетей, получает все большее развитие и применение в самых разных областях — от искусства до сложной инженерии. Машинное обучение относится к совокупности методов искусственного интеллекта, в рамках которой задача решается не напрямую, но через обучение за счет применения решений множества сходных задач. Для построения таких методов используются средства математической статистики, численных методов, математического анализа, методов оптимизации, теории вероятностей, теории графов, различные способы работы с данными в цифровой форме[7].

В построении индекса этичности права будет применяться разновидность машинного обучения, именуемое «обучением по прецедентам», или «индуктивным обучением», основанное на

6. Подробнее об этом см.: Ларичев А.А. Индекс локальной автономии как инструмент цифрового анализа эволюции муниципальных институтов в России / Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества. Симферополь, 2021. С. 14–17.

7. Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 12.10.2022)

выявлении эмпирических закономерностей в данных [Goodfellow I., Bengio Y., Courville A., 2016: 800].

На основе результатов социологического опроса в рамках теории моральных оснований по разработанной методике будет проведена маркировка (разметка) норм в российских юридических актах. Для маркировки будут отобраны этически окрашенные нормы в юридических актах отраслей, соответствующих показателям MFT: конституционное, административное, уголовное, гражданское, налоговое, семейное право. По итогам маркировки каждой норме будет присвоено целочисленное значение по определенной шкале. Данная работа будет выполнена в ручном режиме. После обучения на 10 тысячах размеченных норм система должна суметь самостоятельно распознать немаркированные новые нормативные конструкции и присвоить загружаемому тексту числовое значение, которое можно будет интерпретировать как индекс этичности.

Работа с юридическими текстами будет происходить в информационноаналитической системе, прототип которой разработан в 2021 г. С помощью пользовательского интерфейса можно будет не только присваивать отдельным нормам числовые значения, интерпретируемые как индексы этичности данной правовой нормы, но и визуализировать связи между загруженными правовыми актами.

Заключение

Несмотря на продолжительную историю развития соответствующих теоретических подходов, выработка структурированного концептуального представления о соотношении этики и права в различных сферах общественных отношений остается актуальной. Нуждаются в определении как базовая модель соотношения двух нормативных систем, так и специальные модели их соотношения и взаимовлияния в разных сферах жизни общества, определяющие справедливость и результативность регулирования в контексте сопряжения этики, права, экономического и общественного развития. Практическим результатом разработки такой модели явится создание индекса этичности права, и связанных с ним индикаторов, которые позволят оптимизировать процесс правового регулирования общественных отношений и связанное правоприменение.

Индекс этичности, в первую очередь, будет полезен законодателю, а также органам исполнительной власти, осуществляющим правовое регулирование общественных отношений и связанное правоприменение. К соответствующим работам уже проявлен интерес со стороны Государственной Думы, где в прошлом году прошел круглый стол, были проведены переговоры о тестировании алгоритма и его возможном применении при оценке этичности законопроектов[8]. Также возможно применение индекса этичности в сфере судебной власти. Хотя отечественная правовая система предполагает разрешение правовых споров на основе фиксированной юридической нормы, судебные решения не могут быть свободны от судебного усмотрения. Судье нередко приходится оценивать содержание нормы, соединяя краткость и лаконичность юридического предписания с необходимостью достижения общественного блага через правильное разворачивание его в правоприменении. Помочь в оценке содержания нормы с этих позиций как раз сможет индекс этичности.

Индекс также интересен и IT-гигантам, входящим в Альянс в сфере искусственного интеллекта, поскольку он станет важным прикладным инструментом, демонстрирующим новые возможности нейросетей в решении социально значимых задач. Конечно, индекс этичности права не нацелен лишь на узкое применение специалистами — он будет доступен и публике, позволит всем гражданам лучше понять себя, мотивацию человеческого поведения и необходимость его регулирования. Это жизненно важно для устойчивого развития российского общества и государства.

Несмотря на пеструю палитру мнений о природе и соотношении двух социальных регуляторов (морали и права), авторы настоящей статьи убеждены, что у юридических норм должен быть этический базис, цоколем которого являются представления о социальной справедливости, соблюдении обязательств, качестве управления и методах их обеспечения, так как правовое регулирование не освобождено от оценок и установок, определяющих, как поступать в практической деятельности. В связи с этим две системы социального регулирования нуждаются в систематической сверке и соотнесении друг с другом, в том числе с помощью новейших технологий, доступных человечеству.

8. Available at: URL: https://www.hse.ru/news/community/542567245.html (дата обращения: 12.10.2022)

Список источников

1. Архипов С.И. Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера. Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 5-15.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.415 с.
3. Булыгин Е.В. Тезис Алекси о необходимой связи между правом и моралью // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 3-41.
4. Заикин В.А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта. Национальный психологический журнал. 2017. № 1. С. 32-38.
5. Хельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
6. Милль Дж. Ст. Утилитаризм. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
7. Новгородцев П.И. Право и нравственность. Правоведение. 1995. № 6. С. 103- 113.
8. Смирнова О.В., Кононов А.А. Разграничение права и морали в правовом позитивизме: социально-философский аспект. Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. N 15. С. 59-68.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47-548.
10. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ. Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. №3. С. 88-115.
11. ФранкС.Л. Собственность и социализм. В кн.: Русская философия собственности (XVII-XXbb.). Сост. Исупов К., Савкин И. СПб.: Ганза, 1993. С. 309-330.
12. Харт Г. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. 302 с.
13. Чернявский А.Г. Право как минимум нравственности. Образование и право. 2020. № 3. С. 53-57.

14. Шершеневич Г.Ф. По поводу книги Вл. С. Соловьева «Оправдание добра». Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 38. № 8. С. 456-475.
15. On philosophy in American law: analytical legal philosophy. In: On philosophy in American law. F.Mootz (eci.). Cambridge: University Press, 2009, p. 99-105.
16. Goodfellow I., BengioY., Courville A. Deep learning. Cambridge: MIT Press, 2016, 800 p.
17. Graham J. et al. Mapping the moral domain. Journal of Personality and Social Psychology, 2011, vol. 2, pp. 366-385.
18. Haidt J., Bjorklund F. Social intuitionists answer sixquestions about moral psychology. Moral psychology. Vol. 2: The cognitive science of morality: Intuition and diversity. W. Sinnott-Armstrong (ed.). Cambridge: MIT Press, 2008a, pp. 181-217.
19. Raz J. The Concept of a Legal System. An Introduction to the Theory of Legal System. Oxford: University Press, 1980, 241 p.
20. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Clarendon Press, 1988,448 p.